

Насреддин А.

ЯЗЫК, КОТОРЫЙ «ПЕЛ», ПОКА СТРЕЛЯЛИ ПУШКИ

Белорусский государственный медицинский университет

Беларусь, Минск

Аннотация: Статья раскрывает роль русского языка и песни «Катюша» как символа единения, надежды и человечности в годы Великой Отечественной войны. Через призму личного восприятия показано, как язык становился мостом между народами, сохраняя память и душу народа даже в условиях жесточайших испытаний.

Ключевые слова: русский язык, Великая Отечественная война, «Катюша», память, единение, культура

Когда я слушаю «Катюшу», мне не просто нравится лирическая мелодия, у меня «бегут мурашки по коже». Ведь за этой музыкой и за этими простыми словами — целая эпоха боли, надежды и невероятной силы духа. И за этой песней — русский язык, который в годы Великой Отечественной войны стал не только средством общения, а ниточкой, связавшей миллионы сердец, разорванных войной.

Представьте: на фронте — солдат из Ташкента, рядом с ним — белорусский парень, за спиной — армянин, а командует ими — русский офицер. Они говорят на разных языках дома, молятся по-разному, едят разную еду... Но здесь, в окопе, под свист пуль, у них есть один язык — русский. На нём они понимают приказ, шепчут друг другу «держись», делятся последним куском хлеба, поют одну и ту же песню. И в этом языке — не власть, не идеология, а единение и спасение. Спасение от отчаяния, от ужасов войны.

Русский язык не только «передавал» приказы — он «передавал» тепло души боевого товарища. Он позволял раненому солдату сказать медсестре: «Спасибо...» — и услышать в ответ: «Живи... ради неё». Ради той самой Катюши, которая где-то там, в далёкой деревне, смотрит на дорогу и ждёт своего суженого с победой, живого и невредимого.

Ах, эта «Катюша»... Это ведь не просто песня. Она — образ целой эпохи [1, с. 6]. Сначала — олицетворение девушки с косами, поющей в летнем саду с подружками. А потом — символ Родины, которая не кричит, не требует, а уверенно приближает победу в святой войне, верит в каждого своего сына. Когда солдаты шли в атаку, они не думали о стратегии. Они думали о том, чтобы скорее победить врага и вернуться домой — к маме, к семье, к любимой девушке. И в этом вторая сторона войны: не убивать ради убийства, а сохранить жизнь, человечность, сострадание.

Интересно, что даже оружие называли этим именем. «Катюша» — так ласково «окрестили» миномет, смертоносную установку БМ-13 [2, с. 106]. Почему? Потому что и в грохоте залпов бойцы слышали песню. Потому что даже месть врагу не должна была быть безымянной, в ней — душа народа, имя и память.

А сколько раз эта песня звучала в последние минуты жизни? Сколько бойцов, зная, что не вернуться, шептали её слова, как молитву? Для них «Катюша»

была не просто мелодией — она была последним мостом между жизнью и смертью, между фронтом и домом.

С годами «Катюша» перестала быть только советской песней. Она стала легендой. Её перевели более чем на сорок языков мира. В Италии на её мотив создали гимн антифашистского Сопротивления — «Fischia il vento». В Японии, во Франции, в Латинской Америке эта песня является символом надежды и стойкости.

Особенно трогает, что в Китае, в стране, которая тоже пережила невероятные страдания во Второй мировой войне, «Катюшу» чтут как символ общей борьбы с фашизмом. 7 сентября 2015 года, во время военного парада в Пекине, посвящённого 70-летию победы над японским милитаризмом, китайский военный оркестр исполнил именно «Катюшу». Это был не просто музыкальный номер — это был жест уважения к подвигу советского народа, к тем, кто сражался на другом фронте той же войны. Для китайцев эта песня не заимствование, а знак солидарности, напоминание: мы прошли через ад — и выстояли вместе, даже не зная друг друга по имени.

И ведь не только эта песня... Вспомните строки Лебедева-Кумача: «*Кто сказал, что надо бросить / Песни на войне?*» [3].

Это не риторика. Это крик души. Потому что без песни — нет души, а значит, нет и человека. Без поэзии — нет памяти. Без музыки — нет надежды. И когда защитники Севастополя, замуравав себя в пещере, пели «Священную войну», они не сдались — они оставили память о себе, чтобы мы, спустя десятилетия, знали: они остались живыми... Они любили... Они пели.

Сегодня, изучая русский язык в Беларуси, я часто ловлю себя на мысли: каждое слово, которое я произношу, прошло через войну. Через слёзы матерей, через письма с фронта, через песни у костра. Даже такие, казалось бы, простые фразы, как «дать прикурить» или «держись, брат», родились в окопах, в хрупких попытках сохранить человечность среди ада.

Поэтому для меня русский язык — это не просто инструмент общения. Это наследие. Это язык, на котором говорили не только генералы и поэты, но и простые солдаты, которые, умирая, просили: «Спой...». И кто-то всегда пел.

И, может быть, именно в этом — главная победа. Не только в том, что мы выстояли. А в том, что в любой ситуации важно оставаться людьми.

Потому что, пока звучала «Катюша», война не могла победить. А сегодня, когда эту песню поют в Пекине, в Риме, в Буэнос-Айресе, побеждает память.

И эта память говорит на одном языке — языке сердца и языке победы.

Литература

1. Песни Великой Отечественной войны / сост. В. И. Копалов ; Уральский государственный университет им. А. М. Горького. – Екатеринбург : Типолаборатория УрГУ, 1995. – 119 с.
2. Крупянская, В. Ю. Материалы по истории песни Великой Отечественной войны / В. Ю. Крупянская, С. И. Минц. – М. : Издательство Академии наук СССР, 1953. – 210 с.
3. История песни «Только на фронте» [Электронный ресурс] // Proza.ru. – 2024. – Режим доступа: <https://proza.ru/2024/08/31/932> (дата обращения: 02.11.2025).